

Review

РЫБАЛКИН
ГОРЦУНЯН
ПАРТНЕРЫ



Гаагская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений: новая реальность или старая сказка?

2 июля делегаты 22-й дипломатической сессии Гаагской конференции по международному частному праву (далее — Гаагская конференция) приняли Конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам (далее — Конвенция). Эксперты юридической фирмы «Рыбалкин, Горцунян и партнеры» провели краткий обзор документа, отразив ключевые положения Конвенции и соображения о перспективах, которые сулит ее принятие.



ФОТО: АЛЕКСАНДР ИВАНОВ / ГОРЦУНЯН И ПАРТНЕРЫ

— обзор —

Путь длиной в 27 лет

Создание Конвенции являлось частью «Судейского проекта» (Judgments Project), работу над которым Гаагская конференция по предложению США начала еще в 1992 году. Вопросы международной юрисдикции государственных судов, нашедшие свое отражение в Гаагской конвенции от 30 июня 2005 года о соглашениях о выборе суда, а также признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений, завершившиеся принятием Конвенции, — те ключевые аспекты, на детализации которых сосредоточился «Судейский проект». Это была вторая попытка создания подобного инструмента после Гаагской конвенции 1971 года, действующей лишь между пятью государствами.

Основная работа над документом началась лишь в 2012-м, первый проект был опубликован спустя четыре года, затем его обсуждение продолжилось в специальной комиссии, участие в которой принимали в том числе делегаты из Австралии, Великобритании, Израиля, Китая, России, США, Японии, а также различных организаций — ЮНСИТРАЛ, Ассоциация международного права, Международной ассоциации юристов.

Итоговый документ существенно отличался от первоначального проекта. Так, из сферы действия Конвенции были дополнительно исключены вопросы деятельности вооруженных сил и правоохранительных органов, большинство антимонопольных вопросов, вопросы реструктуризации суверенного долга и пр.

Основные положения

Вступление в силу

Для вступления Конвенции в силу необходимо, чтобы два государства подписали ее и уведомили депозитария об осуществлении процедуры ратификации, принятия, одобрения или присоединения (п. 1 ст. 28 — здесь и далее подразумеваются пункты и статьи Конвенции). На момент написания настоящей статьи Конвенцию подписало лишь одно государство — Уругвай, однако процедура ее ратификации, принятия, одобрения или присоединения в Уругвае все еще не осуществлена. Смелые заголовки некоторых СМИ, сообщивших, что Россия ратифицировала документ и начнет исполнять иностранные решения на его основании, могут ввести в заблуждение: на сегодняшний день Россия подписала только заключительный акт 22-й сессии Гаагской конференции, что не создает для государства никаких обязательств.

Также отметим, что на отдельные государства Конвенция начинает распространяться не сразу, а по истечении 12-месячного периода, в течение которого присоединившиеся ранее государства вправе заявить, что они не планируют быть связанными обязательствами по Конвенции с вновь присоединившейся страной.

Сфера применения

Конвенция закрепляет правила взаимного признания и принудительного исполнения иностранных судебных решений, уже существовавшие в практике различных стран в рамках двусторонних и многосторонних международных соглашений. Однако она не применяет-

ся к судебным решениям, если основные вопросы, разрешенные в них, исключены из сферы действия Конвенции (их перечень приведен в п. 1 ст. 2). В случае если такие вопросы возникают лишь в контексте и не составляют собственно предмет спора, судебное решение может быть исполнено в соответствии с ней (п. 2 ст. 2). Также государство может сделать оговорку об исключении применения Конвенции к решениям по некоторым спорам (ст. 18–19 Конвенции).

Важно отметить, что Конвенция применяется только к решениям по разбирательствам, инициированным после заявлений государства принятия решения и государства исполнения о ратификации, принятии, одобрении или присоединении к Конвенции (п. 5 ст. 30). Таким образом, даже если оба государства уже являются сторонами Конвенции, решения по судебным разбирательствам, вынесенным до заявления хотя бы одной из этих сторон о вступлении в Конвенцию, не смогут быть исполнены по ее нормам.

Условия признания и исполнения

Судебное решение признается только в том случае, если оно вступило в силу в соответствии с законодательством государства принятия решения, и приводится в исполнение, только если оно является исполнимым в соответствии с законодательством государства исполнения (п. 3 ст. 4). В том числе возможно признать и привести в исполнение решение об утверждении мирового соглашения (ст. 11). Помимо того пред-

усматривается возможность частичного признания и исполнения судебных решений (ст. 9).

Конвенция устанавливает широкий перечень условий, хотя бы одно из которых должно выполняться, чтобы судебное решение было исполнимым, например:

- место жительства или деятельности ответчика должно находиться в государстве принятия решения;
- либо должно наличествовать согласие сторон на разбирательство в суде, вынесшем решение;
- либо заявителем по требованию о признании и исполнении решения должен быть истец и др.

При этом решения в отношении прав на недвижимое имущество подлежат признанию и приведению в исполнение в соответствии с Конвенцией только в случае, если недвижимое имущество находится в государстве принятия решения (ст. 6).

Конвенция содержит закрытый перечень оснований отказа в признании или исполнении иностранного судебного решения (ст. 7), схожий с подобным перечнем в Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года. Кроме того, Конвенция прямо предусматривает, что в рамках процедур признания и приведения в исполнение решение не пересматривается по существу (п. 2 ст. 4).

Процедура признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения регулируется процессуальным правом государства исполнения (ст. 13). Перечень документов, предоставляемых для признания и приведения в исполнение решения на территории государства исполнения, сформулирован кратко, и на практике, вероятно, необходимо будет сверяться с подходом судов государства исполнения.

Возможные перспективы

Конвенция призвана сократить трансакционные и судебные издержки, обеспечить эффективный доступ к правосудию и способствовать более четкому управлению операционными и судебными рисками. Однако достижение этих и других целей Конвенцией зависит от ряда факторов, прежде всего от присоединения к ней наиболее развитых госу-

дарств (США, Великобритания, Германия и др.) и стран, пользующихся наибольшей популярностью в качестве судебных форумов (Великобритания, Кипр и др.).

Часть представителей юридического сообщества обсуждает документ с долей скепсиса, для которого, следует признать, пока имеются весомые основания. К примеру, на момент написания настоящей статьи мы не обнаружили сообщений каких-либо государств о намерении присоединиться к Конвенции.

В то же время в отсутствие Конвенции страны разработали иные механизмы взаимного признания и исполнения судебных решений. Например, Россия является участником целого ряда двусторонних соглашений, предусматривающих взаимное признание и приведение в исполнение решений государственных судов, а также ряда региональных многосторонних соглашений с аналогичным эффектом. Несмотря на то что Россия не имеет соответствующих соглашений с рядом ключевых экономик (например, с США, Германией, Францией, Великобританией), решения, например, судов Германии, Великобритании, Франции, а также многих других государств приводятся в исполнение в России со ссылкой на принципы взаимности и международной вежливости либо с указанием на отсутствие оснований для отказа в признании и приведении в исполнение. Решения российских судов также признаются и приводятся в исполнение в иностранных судах, в частности в Великобритании, Германии, Франции.

Тем не менее есть некоторые аргументы в пользу Конвенции. Прежде всего в отсутствие документа, предусматривающего обязанность государства признавать иностранные судебные решения, перспективы признания и приведения в исполнение таких решений являются неопределенными, а производство по таким делам лишается предсказуемости, что заставляет многих участников оборота обращаться в третейские суды и международный арбитраж, чьи решения потенциально исполнимы почти по всему миру, согласно Конвенции 1958 года.

Так, наряду с указанной выше положительной практикой призна-

ния и исполнения иностранных судебных решений во многих случаях российские суды отказывали в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений в связи с отсутствием соответствующего соглашения, например решений судов той же Франции, а также Бельгии, ОАЭ, США, Ирландии. Известны и случаи отказа в признании и приведении в исполнение российских судебных решений, например в Германии.

К тому же некоторый интерес к Конвенции на международной арене все же есть. В публичных источниках нашлось упоминание на сайте Европейской комиссии о том, что ЕС начнет подготовку к присоединению к Конвенции. Отметим, что присоединение самого ЕС может не означать присоединение его стран-членов. Но в любом случае, если ЕС присоединится к Конвенции, это может в дальнейшем послужить стимулом и для стран-членов ЕС. Отмечается также, что участие в Конвенции может быть интересно для Великобритании, если к ней присоединятся европейские страны.

Выводы

В случае достаточного распространения Конвенция будет представлять существенный интерес для бизнеса. Предсказуемый механизм исполнения судебных решений позволит помимо прочего снизить риски, расходы и временные затраты на судебные разбирательства, а также изменить баланс споров, рассматриваемых в судах и арбитражах.

Тем не менее на данный момент дальнейшие перспективы Конвенции все еще остаются неопределенными. Следует ожидать, что Россия займет выжидательную позицию и примет окончательное решение по поводу собственного участия в Конвенции в зависимости от ее дальнейшего развития.

Ян Калиш, советник практики по разрешению споров юридической фирмы «Рыбалкин, Горцунян и Партнеры», **Данил Каримов**, младший юрист корпоративной практики юридической фирмы «Рыбалкин, Горцунян и Партнеры»

Юридический бизнес

Цифра без закона

Цифровые активы, в частности криптовалюты, довольно активно используются бизнесменами во всем мире. Законодательное регулирование этой сферы значительно отстает от практики, при этом в разных странах отношение к виртуальным финансовым инструментам может кардинально отличаться. Какие подходы уже выработаны в России и за рубежом, как решаются возникающие проблемы при использовании финансовых активов, **Ъ** обсудил с юристами.

— детали —

По прогнозам IDC, к 2021 году не менее половины мирового ВВП будет связано с цифровыми технологиями, при этом правовое поле для этой сферы только формируется. Криптовалюты, технология блокчейн, а также способы их законного внедрения в экономический оборот — одни из самых обсуждаемых вопросов среди предпринимателей и юристов по всему миру.

В международной деловой практике уже сформированы относительно устоявшиеся способы работы с цифровыми и виртуальными активами. Адвокат «Аснис и партнеры» Екатерина Ипполитова рассказывает, что привлечение средств и активов в новые проекты, создаваемые на базе технологии блокчейн, в основном происходит посредством следующих инструментов: ICO (Initial Coin Offering, первичное размещение токенов), IPO (традиционная модель с привлечением инвестиционного банка и эмиссией на традиционной бирже), STO (Security Token Offerings, где секьюрити-токены представляют собой подобие акций компании) и SAFT (договорная модель, позволяющая избежать риска определения актива в качестве секьюрити-токена на ранней стадии инвестиций). Большинство таких проектов предусматривают вложения в криптовалюту (виртуальных активов).

Российский законопроект о цифровых финансовых активах (ЦФА) пока не принят, претензии же к нему только растут. В частности, ряд юристов недоумевает, почему из текста документа к второму чтению убрали такие понятия, как «криптовалюта», «майнинг» и «токены» (вместо этого все описывается в форме цифровых прав, которые выпускаются и обращаются в блокчейне). «Из

текущей версии проекта нельзя однозначно сделать вывод о том, что криптовалюта является цифровым правом», — отмечает Екатерина Ипполитова. «К осени 2019 года в регулировании ЦФА ничего особо не сместилось с мертвой точки. Недостатки законопроекта пока так и не были исправлены», — сетует директор юридической компании «Плазунов и Семенов» Валерий Плазунов.

Отсутствие правового регулирования ЦФА в России приводит к попыткам, с одной стороны, применить к ним действующее гражданское законодательство по аналогии, с другой — расценивать сделки с ЦФА как незаконную деятельность. Управляющий партнер PB Legal Александр Панин отмечает, что споры, связанные с использованием криптовалют, все чаще возникают в российской судебной практике: «Продавцы криптовалюты, не получив за нее оплаты, пытаются взыскать с покупателя неосновательное обогащение. Покупатели судятся с поставщиками некачественного оборудования для майнинга криптовалюты. Суды исследуют цепочки транзакций с ней при приобретении обвиняемыми наркотических средств».

Валерий Плазунов рассказывает, что после резкого падения курса биткойна зимой 2017–2018 года в правоохранительные органы поступило множество заявлений о мошенничестве криптовалютных бирж, поскольку достаточное количество людей потеряло деньги на этом рынке. Он указывает и на примеры уголовных дел в отношении владельцев площадок, предлагающих гражданам зарабатывать на криптовалюте, но имеющих, по версии следствия, признаки финансовых пирамид.

В связи с появлением в 2018 году дел, где криптовалюта являлась предметом или

средством совершения преступления, понадобились разъяснения высшего суда. И в феврале 2019 года понятие «криптовалюта» появилось в постановлении пленума Верховного суда РФ №1, касающемся уголовных дел об отмывании денежных средств. «В нем предметом легализации преступно добытых доходов были признаны денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления», — говорит Екатерина Ипполитова.

В гражданском правовом поле известно о двух вступивших в силу судебных решениях по ЦФА. Так, в рамках дел о банкротстве Ильи Царькова и Александра Смиреникова суды включили биткойны должников в конкурсную массу, посчитав их видом имущества. «Таким образом, несмотря на неопределенный статус в законодательстве, криптовалюты рассматриваются судами как оборотоспособное имущество, за счет реализации которого могут быть погашены требования кредиторов», — подчеркивает Александр Панин.

Впрочем, регулирование и использование ЦФА вызывает вопросы не только в России, но и за рубежом. Исполнительный директор HEADS Consulting Никита Куликов указывает, что даже американский регулятор SEC, создавший спецподразделение для рынка цифровых активов, не отличается последовательностью. «Например, SEC выдал разрешение Telegram на привлечение почти \$2 млрд инвестиций под даже еще не выпущенный ЦФА. В то же время ICO Rating, напротив, был оштрафован более чем на \$200 тыс. за то, что, по мнению регулятора, его владельцы сознательно вводили инвесторов в заблуждение, манипулируя рынком ICO. Ключевой в данной



В российской судебной практике все чаще возникают споры, связанные с использованием криптовалют

истории является именно трактовка ситуации, ведь ICO проводится под еще не работающий проект, «на перспективу», и, следовательно, реального обстоятельства дел, работоспособности команды и реализуемость идеи оно по определению не выражает», — рассуждает господин Куликов. Из-за того что SEC волонтеристски квалифицирует цифровые активы и деятельность с ними как подлежащую лицензированию, многие проекты попросту избегают выхода на американский рынок, добавляет руководитель практики FinTech O2 Consulting Дарья Носова.

На Мальте вопрос с криптовалютами решен кардинально: уже принят целый блок нормативных актов в сфере регулирования виртуальных финансовых активов. «Это пример системного и действительно быстрого реагирования законодателя на новые сущности», — считает госпожа Носова. — В случае Мальты судебные споры, скорее все-

го, будут сталкиваться с иной проблематикой, в частности с ведением нелицензированной деятельности и соответствующими санкциями. Здесь, безусловно, подспорьем будет созданный законодателем инструментарий, в частности VFA/VT тест, по которому можно провести правильную квалификацию актива и подрегулируемой деятельности».

В Великобритании до недавнего времени преобладала квалификация криптовалют в качестве информации (данных). Но недавно, по словам Дарьи Носовой, в рамках дела о краже у компании Alphabit 100 BTC, эквивалентных \$1 млн, суд вынес приказ о временной заморозке криптовалюты на бирже Coinbase, согласившись, что к криптоактивам следует применять нормы о праве собственности на имущество. «Это дело еще не завершено, но уже сейчас очевидно, что судебная практика и правовые подходы к цифровым финансовым активам находятся лишь на ранней стадии развития», — резюмирует она.

Анна Занина